

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

СССР И ЮГОСЛАВИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ БУХАРИН

ПОКАЗАНИЯ ЛИВЕРОВСКОГО

О РОЛИ ЧИНГИС-ХАНА В ИСТОРИИ

ПОСОЛЬСКИЙ ПРИКАЗ

7

МОСКВА · 1988

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОВРЕМЕННЫЙ АНТИНОРМАНИЗМ

Д. А. Авдусин

Вряд ли может удовлетворить положение, сложившееся в историографии. Критике и характеристике взглядов норманистов, отдельных работ норманистского толка уделялось и уделяется в нашей стране много внимания. Развитие же антимарксизма как точки зрения, которой ныне придерживается подавляющее большинство историков-марксистов, а также немало буржуазных ученых, практически не изучено. И если возникновение его прослежено¹, то дальнейшая судьба на протяжении XIX – начала XX в. осталась вне сферы внимания историографов, а современному его состоянию посвящена лишь статья И. П. Шаскольского², который приходит к мало оправданному выводу о деградации и «смерти» антимарксизма. Очевидно, что и «умерщвление» антимарксизма, и продолжающиеся рецидивы выступлений с его позиций, – все это последствия неразработанности вопроса о методологической сущности современного антимарксизма и его отличий от антимарксизма предшествующего времени.

Глубоко эмоциональное выступление М. В. Ломоносова против «варяжской» теории образования Древнерусского государства было, как справедливо отметил М. А. Алпатов, в большей степени патриотической реакцией на общую ситуацию в России, сложившуюся в годы бироновщины, нежели результатом специального изучения источников или новой, отличной от его оппонентов методологии истории³. Критика Ломоносова была в первую очередь направлена против первых историков – членов Российской Академии наук Г. Ф. Миллера и Г. З. Байера, которых не совсем справедливо (аналогичные взгляды высказывались и до них) считают основоположниками норманизма. Их выводы строились на основе изучения источников, но опирались на единственную возможную в то время методологию и представления об общественном развитии: идеалистическое понимание хода истории как результата деятельности отдельных исторических лиц. Эти лица – Рюрик и его братья, Олег, Игорь – были прямо названы в древнерусских, абсолютно надежных по тогдашним представлениям, источниках; там же сообщалось и об их «варяжском» происхождении, и это определило представления Байера и Миллера о начальных этапах развития Древнерусского государства⁴. Добросовестное следование за сообщением памятника – при отсутствии

АВДУСИН Даниил Антонович – доктор исторических наук, профессор МГУ.

¹ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М. 1985, с. 9–81.

² Шаскольский И. П. Антимарксизм и его судьбы. В кн.: Генезис и развитие феодализма в России. Л. 1983; см. также: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Послесловие. В кн.: Ловмянский Х. Русь и норманды. М. 1986.

³ Алпатов М. А. Ук. соч., с. 11–14.

⁴ Bayer G. Z. De Varagis. Commentarii Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae. T. 4. Petropoli. 1735, pp. 375–411; Müller G. F. Sammlung Russischer Geschichts. Bd. 1–9. Petersburg. 1732–1764.

критического источниковедения — было единственно возможной методической построения тогдашних концепций.

Однако если Байер и Миллер сами не преследовали антируссских целей, то и до их трудов, и позднее норманизм отчетливо проявил свою политическую тенденциозность. Еще в 1613 г. в записке, подготовленной к переговорам между шведским и новгородским посольствами и опубликованной в 1671 г. под названием «Шведы в России», Ю. Видекинд так обосновывал «законность» территориальных притязаний к России: «Новгородцы знают из своей истории, что у них некогда был великий князь из Швеции по имени Рюрик, и было это за несколько столетий до того, как Новгород был подчинен Москве». К подобной аргументации присоединились и другие шведские историки⁵.

Построение Байера и Миллера долго влияло на дальнейшее исследование ранней истории России как внутри страны, так и за рубежом. Плодотворность выдвинутых ими принципов исследования источников, постановка вопроса о тесных связях Руси со Скандинавией и Византией, об основах древнерусской государственности (пусть не всегда верно и не полностью решенных) открыли перспективы развития исторической науки в данной области во второй половине XVIII—первой половине XIX века. Развитие и углубление, подчас пересмотр их построений, поиски свежих материалов и их интерпретация, постановка новых проблем и их решение свидетельствовали о научной продуктивности норманистской школы вплоть до начала XX века. В то же время прямолинейное истолкование и упрощение их выводов тем дальше, тем больше стали использоваться в антируссских, сугубо политических и далеких от науки целях. Особенно отчетливо эта спекуляция норманизмом проявилась после Октябрьской революции в работах советологов.

В отличие от норманизма антиформанизм XVIII—XIX вв., не имевший сторонников среди ведущих историков, влечил жалкое существование. Он поддерживался не столько оригинальными изысканиями, сколько славянофильскими настроениями. Его немногочисленные сторонники вплоть до второй половины XIX в. ограничивались «тотанием на поле противника». Антиформанисты того времени не противопоставляли собственных концепций норманистским, не вводили в научный оборот новые источники. Они стремились лишь к логическому опровержению основных положений норманистов. Исходя из тех же методологических предпосылок, антиформанисты сосредоточили свое внимание на этносе варягов и Рюрика, поскольку возможность основания государства в результате единовременного акта одним лицом или группой лиц сомнений не вызывала. Они полагали, что любое нескандинавское происхождение Рюрика предпочтительнее для русского национального самосознания. Эта в большей или меньшей степени осознанная предпосылка вызвала в жизни большое количество сочинений, практически не имевших научной ценности⁶ и фактически дискредитировавших антиформанизм.

Исключением явился труд С. А. Гедеонова⁷. Частично собрав военные, частично переоценив уже известные письменные свидетельства, он попытался доказать идентичность варягов и прибалтийских славян. Несмотря на спорность многих его толкований, особенно лингвистических, и неаргументированность ряда положений, работа Гедеонова сыграла большую роль. Он отметил, что норманисты нередко некритически и произвольно интерпретируют сведения источников, которые на самом деле

⁵ Moller A. De Varegia. Lund. 1731; Widekind J. Thet svenska Ryssland Tijo åhrs Krigz Historie. Stockholm. 1671; Scarin A. De originibus priscae gentis varagorum. Åbo. 1734 (цит. по Gräslund A.-S. Normannenproblem. Uppsala. 1981, с. 2).

⁶ Этот этап антиформанизма аналогичным образом оценивается И. П. Шаскольским (Шаскольский И. П. Ук. соч., с. 38—43).

⁷ Гедеонов С. А. Варяги и Русь. Чч. I—II. СПб. 1876.

не дают оснований для категорических выводов. Он верно указал на необоснованность отнесения многих славянских слов к скандинавским заимствованиям (хотя предложенные им альтернативные этимологии во многих случаях фантастичны). Наконец, он продемонстрировал этническую неоднородность «варягов», под которыми обычно понимали шведов, подорвав тем самым убежденность в значении самого слова, традиционно считавшегося этонимом.

Наиболее сильной и продуктивной оказалась критическая сторона труда Гедеонова. Собственное построение, основанное на сопоставлении и отождествлении корней рус-, руг-, рут-, широко представленных в европейской этнографии (этоним «рутены», в частности, засвидетельствован еще в античное время), привело его к выводу о прибалтийско-славянском происхождении «руси», упоминаемой в Повести временных лет, и соответственно о создании Древнерусского государства выходцами из поморских славян. Как писал В. А. Мошин, работа С. А. Гедеонова — единственная среди антиформанистских — нанесла существенный удар норманизму, указала на его слабые стороны⁸.

Во второй половине XIX в. в связи с развитием славянофильства число антиформанистских работ растет, однако их методологический и источниковедческий уровень остается прежним. В большинстве своем они отличают наивность и непрофессионализм. Более того, в них по-прежнему повторяется пройденное и отсутствуют продуктивные идеи. Основным вопросом для антиформанистов по-прежнему являлось определение этнической принадлежности Рюрика, руси, варягов, главной источниковой базой — письменные источники, методикой — этимологические конструкции.

Критика Гедеонова и распространение позитивизма дали существенный стимул дальнейшему развитию норманизма. В научный оборот были введены новые группы письменных источников (в том числе восточные), сообщения которых, с одной стороны, подтверждали активное участие скандинавов в политической жизни Руси, с другой — поднимали многие вопросы, прямо с норманской проблемой не связанные. Центр тяжести исследований переместился на экономическую историю Руси — торговлю, возникновение и развитие городов, формирование государственных учреждений и др. Отмечая значительный вклад скандинавов в развитие экономики (торговля) и политических институтов Руси и признавая скандинавами Рюрика, русь и варягов, т. е. в прямолинейном толковании являясь норманистами, крупнейшие историки того времени (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др.) радикально расширили круг изучаемых проблем, среди которых норманская уходит на задний план как якобы решенная и более не представляющая научного интереса. Публикация на русском языке (после английского, немецкого и датского изданий) труда В. Томсена, подытожившего филологическую аргументацию норманистов⁹, завершила «филологический этап» развития этой школы. В то же время исследование проблематики, прямо не связанной с норманским вопросом, заложило основы для становления научного антиформанизма. Существенный вклад в этот процесс внес А. А. Шахматов, который, в целом разделяя позицию норманистов, однако обосновал вывод о позднем включении в летопись легенды о призвании варягов, тем самым поставив под вопрос достоверность ее исторического содержания¹⁰.

Укрепление норманизма в самом конце XIX в. и начале XX в. было связано со все более частым обращением к археологическим аргументам.

⁸ См. Мошин В. А. Варяго-русский вопрос.— Slavia, 1931, гоč. X, с. 363, прим. 3.

⁹ Томсен В. Начало Русского государства.— Чтения в Обществе истории и древностей российских, М., 1891, кн. 1.

¹⁰ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. СПб. 1904; его же. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб. 1911, с. 289—315.

Раскопки ряда памятников со значительным вкраплением скандинавских элементов (Владимирские курганы, Гнёздово, Михайловское под Ярославлем и др.) дали новый богатый материал, казалось бы, подтверждавший ведущую роль норманнов на Руси. Методика определения этнической принадлежности погребенного (а исследовались в основном именно захоронения) была тогда менее совершенна, чем ныне, что порождало ложное представление о преобладании скандинавских вещей в некоторых памятниках. Видный археолог А. А. Спицын поэтому имел известное основание заявлять о «многочисленных норманнах» в русской истории: «Это и властители, и носители новых исторических задач, и представители блестящей для того времени внешней культуры. Норманны произвели могущественный переворот в жизни кривичей»¹¹.

Столь же преувеличенная оценка места скандинавов в истории Древней Руси и ее культуре содержалась и в трудах Т. Арне, сыгравших не меньшую роль в сложении норманизма XX в., чем книга В. Томсена. Крупный шведский археолог изучил русский язык, чтобы свободно пользоваться литературой, объездил главные музеи России, где хранились интересующие его находки, и собрал огромный материал, который изложил в книге «Швеция и Восток», сопроводив его историческими выводами¹². Арне видел проблему значительно шире, чем историки и филологи — норманисты. В его работе наряду с картиной интенсивного и разностороннего влияния Швеции на Русь был поставлен вопрос (впервые в историографии) об «обратных» влияниях Востока (Византии, Руси, арабского мира) на Скандинавию. Однако этот аспект его труда прошел малозамеченным и не получил развития в ближайшие десятилетия¹³, обильная же археологическая аргументация в пользу норманской теории образования Древнерусского государства произвела сильное впечатление на научную общественность¹⁴, тем более, что тогда даже археологам были видны далеко не все недостатки доводов, логических построений и фактологии Арне.

Спустя 16 лет на чашу весов норманизма легла книга В. И. Равдоникаса «Норманны эпохи викингов и Приладожье»¹⁵. В своих общих оценках приближаясь к Арне, он поддержал его утверждение о существовании в Гнёздове скандинавской колонии и вместе с тем развил его точку зрения на погребальный обряд как весьма важный аргумент в определении этноса погребенных. Конкретизировать это положение пытался в Ю. В. Готье. Археологические изыскания, дополнившие филологические, казалось, закрыли «норманскую проблему», тем более что даже такой крупный ученый, как Готье, заявил, что норманский вопрос «решен в пользу норманнов»¹⁶.

Новый этап антинорманизма начался со становлением в советской историографии марксистской методологии и пересмотром на ее основе проблемы образования Древнерусского государства. Впервые за двухсотлетнее существование антинорманизм был поставлен на прочную, отличную от норманизма, методологическую основу: историко-материалистическую теорию происхождения классов и государства. В рамках этой теории норманистское объяснение создания Русского государства скандинавами

¹¹ Спицын А. А. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. В кн.: Известия Археологической комиссии. Вып. 15. СПб. 1905, с. 7.

¹² Агле Т. La Suède et L'Orient. Uppsala. 1914.

¹³ Эта проблема начала изучаться у нас лишь в самое последнее время (см.: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья.— История СССР, 1984, № 4).

¹⁴ Еще более тенденциозной, антирусской, выдержанной в духе шведского величания была другая книга Арне, известная много меньше (Агле Т. Det stora Suitiod. Stockholm. 1926).

¹⁵ Raudonikas W. I. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm. 1930.

¹⁶ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М. 1930, с. 248.

утратило смысл и историческое содержание. Конкретное же обоснование и детализация процессов становления восточнославянской государственности были достигнуты в результате интенсивных археологических раскопок, в первую очередь в трудах А. В. Арциховского, В. И. Равдоникаса, П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова.

Арциховский, проделав огромную источниковедческую работу, показал, что центр производства многих вещей, считавшихся скандинавскими (например, мечей), лежал вне Скандинавии, что ряд предметов вооружения (например, кольчуга) в Скандинавии практически отсутствует, что большинство наконечников стрел и копий, а также шлемов русских воинов имеют русское происхождение. Это был по существу первый в советской литературе источникедческий анализ археологических материалов эпохи образования Древнерусского государства. На этом основании Арциховский по-новому поставил и решил норманский вопрос совсем не «в пользу норманнов»¹⁷, как его учитель Готье. Впервые в антинорманизме Арциховский широко и конкретно поставил вопрос о роли варягов в Древней Руси. Он охарактеризовал социальный облик общества, археологические памятники которого изучил, и пришел к выводу, что скандинавские захоронения в Гнёздове, в ярославских и владимирских курганах единичны и принадлежат соратникам русских дружинников, о которых часто писал летописец¹⁸. Однако работы Арциховского не были свободны от предубежденности. Степень изученности археологических материалов была в то время невысокой, в большинстве своем они не были опубликованы. В результате Арциховский не увидел скандинавских элементов, например, в Большом кургане Гнёздова и в Черной Могиле, преуменьшал в целом роль скандинавов в жизни Руси.

Не менее существенный вклад в антинорманизм был внесен и трудами других советских археологов, прямо, казалось бы, не связанными со скандинавскими древностями. Исследованиями материальной культуры восточных славян накануне образования Древнерусского государства, ремесленного производства, сельского хозяйства в Древней Руси был выявлен относительно высокий уровень развития восточнославянского общества. Во-первых, он в целом не уступал степени развитости скандинавского, особенно древнешведского общества, и этот вывод подрывал убежденность норманистов в культурном превосходстве скандинавов над славянами. Во-вторых, работы В. И. Равдоникаса, П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова, С. В. Киселева и др. свидетельствовали о том, что к IX–X вв. восточные славяне по своему экономическому и социальному развитию находились на стадии сложения государства¹⁹.

Эти выводы археологов заложили прочную основу для конкретно-исторического исследования процессов образования Древнерусского государства, проведенного Б. Д. Грековым. Он писал: «Мы... привыкли в этот период нашей истории больше обращать внимания на пышный рост торговых оборотов по великим водным путям, где на первом месте всегда стояло золото, серебро и другие ценности. Этот блеск часто мешал исследователям видеть подлинную сущность хозяйственной базы общества»²⁰. Изучая экономические аспекты жизни восточных славян, Греков обосновывал земледельческий характер Русского государства, формиро-

¹⁷ Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Сузdalской и Смоленской землях.— Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 11–12; его же. Русская дружина по археологическим данным.— Историк-марксист, 1939, № 1.

¹⁸ Арциховский А. В. Археологические данные по варяжскому вопросу. В кн.: Культура Древней Руси. М. 1966.

¹⁹ См. История СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства. М.—Л. 1939.

²⁰ Греков Б. Д. Начальный период русского феодализма.— Вестник АН СССР, 1933, № 7, стб. 17.

давшегося на протяжении нескольких веков, и оценивал роль норманнов лишь как вспомогательную.

Еще в первом издании своего труда по истории Киевской Руси Греков дал объективную, антинорманистскую по сути характеристику места скандинавов в истории Руси: «Варяги в истории Киевского государства играли далеко не главную роль. Они безусловно подчинялись производственным отношениям местного общества, растворились в нем. Варяги — лишь эпизод в истории общества, оставившего Киевское государство»²¹. Впрочем, в этом и двух последующих изданиях своего труда (третье вышло под названием «Киевская Русь») Греков не стремился преуменьшить деятельность скандинавов на Руси. Он полагал установленным северо-германский этнос варягов и, возможно, скандинавское происхождение названия «русь» (в отличие от южнорусского корня рос-), отмечая возможность как этнической, так и социальной его интерпретации. Подвергая сомнению точность всех деталей в легенде о привозе варяжских (скандинавских) князей, он не видел необходимости отвергать ее целиком, т. к. за ней, по его мнению, стоит исторический факт, имеющий много аналогий в истории как Руси, так и других стран, в том числе и славянских²².

Сходную позицию занимали в то время и другие советские историки и археологи. М. И. Артамонов утверждал, что в IX—X вв. славяне и скандинавы стояли примерно на одном уровне развития, и потому варяги не могли принести на Русь более высокую культуру, а тем более государственность. Попадая на Русь, они включались в ее социально-политическую жизнь²³.

Основные выводы своих исследований применительно к норманскому вопросу Греков очень кратко сформулировал в статье по поводу резко пронорманистского выступления Арне. В ней он вновь подчеркнул, что «образование государства есть не внезапное происшествие, а процесс, причем процесс длительный. Этот процесс заключается в образовании наиболее сильного экономически и политически класса, который берет в свои руки власть над массой населения, организует эту массу»²⁴. При этом позицию Грекова отличала та же сдержанность и объективность и в это, уже существенно изменившееся время, условиями которого, видимо, можно объяснить его умолчания об этносе варягов, руси, первых русских князей.

Однако во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов происходит отступление от научной объективности грековского антинорманизма. Развернувшаяся в условиях «холодной войны» борьба с «преклонением перед иностранницей» потребовала исторического обоснования необязательности и, более того, вредности внешних воздействий и влияний, самодостаточности и приоритета русского общества. Господство марровской теории автохтонности и изолированности восточнославянского общества от окружающего мира не замедлило проявиться в резком повороте к антинорманизму XVIII—XIX вв.²⁵, вопреки огромному количеству хорошо известных фактов; вошла в силу «южнорусская» (среднеднепровская) этимология названия «русь», для чего пришлось пренебречь данными лингвистики о различном происхождении корней рус- и рос²⁶; возроди-

²¹ Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л. 1935, с. 15.

²² Греков Б. Д. Киевская Русь. М. 1939, с. 13, 225—228.

²³ Артамонов М. И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси.— Краткие сообщения Института истории материальной культуры, 1940, № 6, с. 12; см. также: Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л. 1945.

²⁴ Греков Б. Д. По поводу статьи шведского профессора Тура Арне.— Новое время, 1947, № 30.

²⁵ Бернштейн-Коган С. В. Путь из варяг в греки.— Вопросы географии, 1950, № 20.

²⁶ Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля».— Советская этнография, 1947, № 6—7,

лись поиски нескандинавского этноса варягов; произвольно интерпретировались хорошо известные сведения письменных источников, в частности Бертиńskих анналов, «росских», т. е. скандинавских, названий днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного и пр.

Особую остроту норманскому вопросу в древнерусской истории (а не «византийскому», например, или «турецкому») придавала в это время активная политическая спекуляция на норманизме в фашистской Германии. В своих крайних проявлениях (как объяснение якобы низкого уровня развития славянских народов, их прирожденной неспособности к политическому и социальному действию, выразившейся в неумении создать государство) норманизм был широко использован идеологами фашизма для обоснования расистской политики в отношении славян²⁷.

Соединение внутри- и внешнеполитических причин привело к бурному подъему антинорманизма, причем в его максимально упрощенном, «вульгарном» понимании, к возврату от научного антинорманизма Грекова к славянофильскому антинорманизму С. Шелухина и Д. И. Иловайского. Скрытым и тщательно завуалированным упреком в методологической несостоятельности антинорманизма этого толка являются слова Грекова о «наивных представлениях» русских летописцев, полагавших, что государство может быть создано «отдельными героями»²⁸ — ведь именно это же «наивное представление» неосознанно лежало в основе вульгарно-антинорманистских концепций конца 1940-х годов. Насаждение теории автохтонного развития восточнославянского общества и ее составной части — вульгарного антинорманизма — имело ряд существенных научных и политических последствий. Усложнились условия для объективного исследования русско-скандинавских связей до XI в.; из поля зрения ученых практически выпали древнескандинавские письменные источники²⁹; в переводе книги И. Андерсона «История Швеции» был выброшен раздел о деятельности викингов на Востоке как «не представляющий интереса»³⁰. В рецензиях и критических выступлениях научная аргументация подменялась павешиванием ярлыков³¹, что вызвало соответствующее отношение зарубежных историков и свело па нет возможности научной дискуссии. Даже археологические исследования, казалось бы, дающие достоверные данные, подверглись воздействию общей обстановки: были свернуты или задерживались публикации материалов, содержащих сведения о скандинавских древностях, археологи были вынуждены обходить молчанием «острые» вопросы.

Упрощенная трактовка процессов образования Древнерусского государства проникла на страницы учебников для высшей и средней школ, легла в основу работ, предназначенных для широкого читателя и формировавших, по определению С. Калтахчана, психологию «националистического патриотизма»³². Распространение вульгарного антинорманизма нанесло существенный ущерб престижу отечественной науки. С одной стороны, подобная тенденциозность позволила буржуазным ученым и политологам поставить под сомнение (и не без оснований) ее объективность, с другой — теория автохтонности в определенной степени смыкалась с реакционной концепцией евразийства, которая широко использовалась для обоснования «незакономерности» Октябрьской революции.

²⁷ Nielsen J. P. Normanismen — et klassisk stridsspørsmål i russisk historieforskning.— Samtiden, 1975, b. 84, s. 359—360.

²⁸ Греков Б. Д. По поводу, с. 13.

²⁹ В 1930-х годах ими успешно занималась Е. А. Рыдзевская, но собранные ею материалы оказалось возможным опубликовать лишь недавно (Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIII вв. М. 1978).

³⁰ Андерсон И. История Швеции. М. 1951, с. 36, прим. 1.

³¹ Греков Б. Д. Антинаучные измышления финского «профессора».— Литературная газета, 7.VI.1950.

³² Советская культура, 17.III.1987.

Поднята на щит западногерманскими остфоршерами теория «исключения России из Европы» с противопоставлением русской истории «закономерному» пути европейских государств охватывала все ее периоды, начиная с IX века. Часть остфоршеров апеллировала к изолированности восточнославянского общества (до Владимира и после монголо-татарского нашествия) от внешних контактов, в отличие от других европейских раннесредневековых государств, связанных теснейшими этно-культурными контактами. По мнению остфоршеров, восточные славяне жили чуть ли не в полной изоляции от европейских народов, что и обусловило низкий уровень и нетипичность их развития.

Между тем археологическое изучение восточнославянского общества домонгольского времени продолжалось и в конце 1940-х и в 1950-е годы. К этому времени относится дискуссия между норманистами и антиформанистами. С критикой написанных в духе «холодной войны» статей Арне, одна из которых была направлена против советской исторической науки в целом, а другая искала открытия Смоленской археологической экспедиции, выступили советские историки. В отличие от умозрительных, порою фальсификаторских утверждений Арне они развернули подробную научную аргументацию в пользу антиформанистской концепции древнерусской истории.

Материалы старых раскопок в Гнёздове и Михайловском на строго источниковедческой основе рассматривались мною с точки зрения возможности определить этнос по погребальным инвентарям. Однако недостаточность материалов, неразработанность метода определения этноса погребенных, в частности комплексов признаков, как скандинавских, так и славянских, тогда привели автора этих строк к преуменьшению числа скандинавских погребений²². При этом на оценке некоторых явлений сказался и дух времени. Так, было сочтено возможным погребение в ладьях признать славянским обрядом (многие археологи доныне считают этот обряд славянским, особенно если речь идет о погребении руса, описанном Ибн Фадланом, однако такое мнение ошибочно: это скандинавский обряд, если речь идет о Руси). Большую роль сыграли работы Рыбакова, особенно «Ремесло древней Руси» (М. 1948). Затем вышла книга Г. Ф. Корзухиной²³, отмеченная, как и все ее работы, высоким уровнем источниковедческого анализа. Именно эти конкретные исследования обусловили возможность — уже на новом уровне — в 1960-е годы вновь обратиться к изучению русско-скандинавских связей.

Первые попытки противопоставить вульгарному антиформанизму более объективную картину древнерусской истории были не лишены polemического запала, который иногда заводил ученых в противоположную сторону. Так, Рыбаков назвал период с 882 по 911 г. «норманским»²⁴. Если понимать этот термин как обозначение времени упрочения варяжской династии в Киеве, то он возможен, хотя однозначен и неточен, т. к. этот период не характеризуется широким распространением скандинавских древностей на Руси, а его историческое содержание включает процессы объединения Южной и Северной Руси в одно государство и т. д.

²² Неполнота и неточность старых материалов были одной из причин возобновления в 1949 г. раскопок в Гнёздове, которые продолжаются экспедицией Московского университета до сих пор. Уже первый год принес экспедиции крупный успех — открытие древнейшей русской надписи, играющей и ныне немалую роль в аргументации антиформанистов. Несколько позднее экспедиция Государственного исторического музея под руководством М. В. Фехнер раскопала абсолютное большинство насыпей в курганах группах ярославского Поволжья, давших интересные материалы по норманскому вопросу. Новые материалы Гнёздова позволили мне пересмотреть свое мнение о числе скандинавов в Гнёздове: их оказалось во много раз больше, чем предполагалось раньше (см. Вестник Московского университета, серия 9, история, 1974, № 1, с. 74–86).

²³ Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.—Л. 1954.

²⁴ История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. М. 1966, с. 488–491.

Еще в 1950-х годах Шаскольский выступил с рядом докладов и статей, основанных преимущественно на материалах письменных источников. В выпущенной позднее монографии им были использованы и археологические данные²⁵. Однако он не разграничил вульгарный и научный антиформанизм, проведя лишь псевдообъективные сравнения между ними. В этих сопоставлениях норманизм выглядит даже респектабельнее противоборствующего течения. Книга Шаскольского способствовала появлению серии работ ленинградских археологов²⁶, которые преувеличивали роль скандинавов на Руси и удревняли варяжские находки, что также явилось своего рода «перекосом».

Важное значение в преодолении вульгарного антиформанизма имела статья В. Т. Пашуто, специально посвященная проблеме русско-скандинавских отношений. Пашуто в традициях Грекова пересмотрел вопрос о месте скандинавов на начальных этапах формирования Древнерусского государства, обращая при этом особое внимание на эпизод призыва варяжских князей. Он считал, что «Русь до ее объединения под властью князей варяжской (под варягами Пашуто понимает скандинавов.—Д. А.) династии представляла собой конфедерацию», что основы государственности у восточных славян сложились задолго до появления скандинавов, что князья-варяги были приглашены, по выражению летописца, «для наряда», т. е. на условиях, определяемых местной знатью.

Рассмотрев новейшие данные о торговле, об этнических взаимодействиях на северо-западе Восточной Европы (по данным археологии, топонимики и др.), Пашуто аргументировал вывод об отсутствии норманского завоевания или колонизации Руси. Это отнюдь не означает, что следует отрицать участие скандинавов во внутрирусских экономических и политических отношениях: «Источники сохранили нам немало свидетельств о выходцах из стран Северной Европы и их деятельности на Руси, сперва в качестве враждебных «находников», а затем,— как наемников — князей, воинов, купцов, дипломатов, сыгравших некоторую роль в строительстве славянской знатью огромного и многоязычного Древнерусского государства»²⁷. Наконец, Пашуто поставил вопрос о славяно-скандинавском культурном и этническом синтезе на Руси, который ныне разрабатывается в той или иной форме многими советскими и зарубежными историками и археологами.

Именно эти исходные положения лежат в основе современного состояния изучения русско-скандинавских отношений. Норманистский вывод об основании Русского государства скандинавами практически изжит: отдельные его проявления, крайне немногочисленные²⁸, не перевешивают общую тенденцию к объективности исследования «норманской» проблематики. Иначе обстоит дело в массовой зарубежной литературе. Помимо того, что школьные учебники содержат норманистскую версию образования Древнерусского государства, что она пропагандируется в популярных журналах, в 1970–1980-е годы в капиталистических странах опубликовано немало популярных работ норманистского толка²⁹.

²⁵ Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л. 1965.

²⁶ Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л. 1970.

²⁷ Пашуто В. Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы.— Скандинавский сборник, 1970, вып. 15, с. 53, 60–61.

²⁸ См., в частности: Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. I. Cambridge (Mass.). 1980.

²⁹ Nickel S. The Vikings. Lnd. 1976; Pipes R. Russia under the Old Regime. Lnd. 1974; см. также: Hanak W. K. Some Conflicting Aspects of Byzantine and Varangian Political and Religious Thought in Early Kievan Rus.—Byzantinoslavica, 1976, t. 37, f. 1; Volkoff V. Vladimir the Russian Viking. N. Y. 1985.

Сложнее обстоит дело с антиформанизмом, который ныне не представляет единого направления. Еще существует вульгарный антиформанизм, идеалистический в своей основе и непродуктивный с научной точки зрения. Неаргументированное (да и можно ли это аргументировать?) повторение положений антиформанистов 1950-х годов, встречающееся и в новейших работах⁴¹, подысканье замены скандинавскому этносу варягов⁴², бесплодные попытки найти местные, славянские корни слова «русь» и, копечно, отрицание связи слов «русь» и «Ruotsi», т. к. противоположное решение якобы доказывает норманскую теорию (или как минимум — льет воду на ее мельницу) — такова основная проблематика работ этого направления. Именно эта форма антиформанизма XVIII—XIX вв., если воспользоваться определением Шаскольского, «умерла» как научное направление в результате разработки марксистской концепции образования Древнерусского государства.

Как норманизму, так и вульгарному антиформанизму противостоит антиформанизм научный, успешно развивающийся в 1970—1980-е годы не только в СССР, но и во многих других странах. Именно научному антиформанизму принадлежит заслуга объективной и строго научной борьбы с норманизмом, исследования древнескандинавских источников по истории Древней Руси, разработка основных направлений русско-скандинавских связей IX—X вв., выдвижение новых плодотворных теорий.

Противоположность методологических оснований и научного значения вульгарного и научного антиформанизма делает сегодня сам термин «антиформанизм» условным, что, видимо, и вызвало столь резкую его критику Шаскольским⁴³. Основные ее положения были высказаны еще в его книге 20 с лишним лет тому назад, а теперь только сведены воедино в статье. Не различая две принципиально противостоящие формы антиформанизма, Шаскольский отождествил их, свел к вульгарному направлению и на основании изучения его судеб пришел к выводу о несостоятельности антиформанизма вообще и желательности отказа от самого термина ввиду «смерти» этого направления. Однако при всей условности этого термина следует, не отказываясь от него, внести в этот вопрос методологическую ясность, четко разграничив вульгарный антиформанизм, который дискредитировал себя, и антиформанизм научный, плодотворность которого несомненна.

Современный научный антиформанизм основывается на широком комплексном изучении письменных, археологических, лингвистических источников, как древнерусских, так и зарубежных.

Современные археологические материалы, а также данные топонимики позволяют аргументированно отвергнуть теории скандинавского завоевания и колонизации Руси. Как известно, содержание процесса колонизации состоит в оседании пришельцев на землю и в освоении ими земельных угодий. Следов такого процесса применительно к скандинавам на территории восточных славян до сих пор не обнаружено. Обстоятельные исследования происхождения и становления древнерусского города убедительно показали, что не скандинавы были их основателями. Городские центры возникали в местах скопления сельского населения в результате отделения ремесла от земледелия и приобретали административные, культурные и другие функции на местной основе. Присутствие здесь скандинавов — и иногда в значительном количестве — объясняется не их градостроительной миссией, а участием в экономической и политической жизни Древнерусского государства. Они находились в городах как тор-

⁴¹ См., напр., Толочко П. П. Древняя Русь. Киев. 1987, с. 31—33.

⁴² См.: Вилинбахов В. Б. Об одном аспекте историографии варяжской проблемы.— Скандинавский сборник, 1963, вып. 7; Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов.— Вопросы истории, 1974, № 11.

⁴³ Шаскольский И. П. Антиформанизм и его судьбы, с. 47.

говцы, дружины, приближенные князя. Не случайно основное скопление скандинавских древностей наблюдается в резиденциях княжеских дружин около крупнейших древнерусских городов: на Городище под Новгородом, в Гнёздове под Смоленском, в Шестовице у Чернигова. Будучи важными торговыми и ремесленными центрами, эти поселения имели и другие функции, в первую очередь вытекающие из размещения в них княжеских дружин, что радикально отличает их от «виков» на побережье Балтийского моря⁴⁴.

Значительная роль скандинавов в торговле Древней Руси никогда (если не считать ряда работ 1950-х годов) не вызывала сомнений. Вместе с тем исследования сельских поселений и их взаимодействия с ранними городами показали, что наряду с международной торговлей существовал и обмен между городом и сельской округой предметами продовольствия и ремесленного производства⁴⁵. Однако следует соблюдать особую осторожность, когда речь идет о внутрирусской торговле, слабо развитой в X—XI веках. Во внешней торговле Древней Руси кроме арабского и византийского направлений существовали и другие. Более широкая картина древнерусских торговых связей показывает, что скандинавы участвовали здесь лишь в трансконтинентальной торговле с арабским миром (преимущественно в Булгаре) и Византией, причем в торговле в основном транзитной и ориентированной на западноевропейские и арабские рынки. Значительная же часть торговой деятельности на Руси протекала помимо скандинавов, без их участия.

Одним из центральных ныне является вопрос о хронологии русско-скандинавских связей. Их периодизация позволяет более детально и конкретно выявить характер этих связей и показать их динамику. Первые попытки в этом направлении были неудачны, т. к. критерии периодизации были неудовлетворительны: распространение скандинавских древностей на Руси (к тому же с удревнением их в Поднепровье)⁴⁶, походы скандинавов в Восточную Европу, периодичность которых определялась закономерностями развития одной только скандинавской истории (с ними связывалась последовательность поступления арабского серебра в одно из крупнейших поселений Швеции того времени — Бирку)⁴⁷. Однако строить периодизацию русско-скандинавских связей исходя лишь из процессов, протекавших в Скандинавии, и абстрагируясь от важнейших преобразований на Руси, — глубоко ошибочно. Более удовлетворительна периодизация, основанная на хронологии становления Древнерусского государства (при всей ее условности) с учетом специфики развития скандинавских стран. Убедительность этой периодизации подтверждается хронологией распределения скандинавских древностей на Руси⁴⁸. При

⁴⁴ Прямолинейное сопоставление планировки и функционирования древнерусских торгово-ремесленных центров с «виками» без учета специфики как первых, так и вторых представляется неоправданным (Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения.— Краткие сообщения Института археологии, 1980, вып. 160, с. 33). Сравнительно-типологический анализ различных типов поселений выявляет как черты сходства, так и принципиальные отличия «виков» от древнерусских торгово-ремесленных центров (см. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Формирование сети раннегородских поселений и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия).— История СССР, 1986, № 5).

⁴⁵ Роль торговли в эпоху сложения Древнерусского государства исследована еще очень недостаточно и в имеющейся литературе сильно преувеличена.

⁴⁶ Lebedev G. S., Nazarenko V. A. The Connections between Russians and Scandinavians in the 9th–11th Centuries.— Norwegian Archaeological Review, 1973, vol. 6, № 1.

⁴⁷ Лебедев Г. С. Монеты Бирки как исторический источник.— Скандинавский сборник, 1982, вып. 27.

⁴⁸ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Ук. соч.; см. также: Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985, с. 249—265.

этом следует заметить, что находки скандинавских вещей древнее X в. на Руси крайне редки⁴⁹, и обнаружены они — за единичными исключениями — в зоне севернее Западной Двины.

Объективно и аргументировано рассматривается теперь и вопрос о месте скандинавов в формировании правящего слоя на Руси. Наиболее подробно этот вопрос рассмотрен польским историком Х. Ловмиянским⁵⁰, который отметил скандинавскую прослойку в составе древнерусской знать. Его наблюдения были дополнены Пашуто и рядом других исследователей, показавших, что, как это и обычно для эпохи образования государства, правящий слой формировался на восточнославянской основе, но включал и пноэтнические элементы: в его состав входили паряду со скандинавами финны, представители кочевого мира.

К бесспорным достижениям научного антимарксизма следует отнести и постановку проблемы восточноевропейских влияний в Скандинавии. Исследование словарных заимствований из древнерусского языка в древнескандинавские, заимствований предметов вооружения, одежды, украшений, технологий ремесленного производства⁵¹ показывает, что этнокультурные связи не ограничивались односторонним воздействием скандинавов на восточных славян. Происходил интенсивный взаимообмен предметами материальной культуры, элементами духовной жизни.

Наконец, вновь устанавливается строго научный подход в решении топонимических и этнографических проблем в рамках русско-скандинавских отношений. Скандинавская этимология названия «русь» (через финское *ruotsi*) перестает восприниматься как проявление крайнего нормализма. Труды лингвистов Г. А. Хабургаева, А. И. Попова и др. подтверждают лингвистическую обоснованность этого построения⁵². Раскрыты исторические условия, в которых происходило это заимствование, и эволюция содержания названия «русь». Установлено, что этносоциальное обозначение в финской и восточнославянской среде скандинавских «находников» было переосмыслено как обозначение древнерусских великоцняжеских дружин, а позднее распространилось на территории, подвластные киевскому князю⁵³. Эта эволюция в полной мере отражает развитие восточнославянского общества в период образования и укрепления Древнерусского государства.

Современный научный антимарксизм явился, таким образом, методологической основой исследования русско-скандинавских отношений раннего средневековья. Концепция Грекова, аргументированная данными письменных источников, археологии, лингвистики, оказала влияние на немарксистскую историографию. На позиции научного антимарксизма встали многие зарубежные ученые (в частности, П. Сойер, А. Стальсберг, Ш. Блиндхейм и другие), стремящиеся к объективному исследованию истории Руси. Научный антимарксизм стал ныне единственной плодотворной основой источниковедческих, фактологических, конкретно-исторических исследований в области русско-скандинавских отношений IX—XI веков.

⁴⁹ Корзухина Г. Ф. Новые находки скандинавских вещей близ Торопца.— Скандинавский сборник, 1964, вып. 8.

⁵⁰ Ловмиянский Х. Русь и норманны, с. 204—227.

⁵¹ Мельникова Е. А. Древнерусские лексические заимствования в древнескандинавском.— Древнейшие государства на территории СССР, 1982. М. 1984; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Тт. 1—2. М.—Л. 1966.

⁵² Хабургаев Г. А. Этнография «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М. 1979, с. 216; Попов А. И. Названия народов СССР. Л. 1973, с. 47.

⁵³ Петрухин В. Я. Примечания к кн.: Ловмиянский Х. Русь и норманны, с. 274—288; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Славяно-финно-скандинавские этноязыковые контакты в раннее средневековье. В кн.: Тезисы докладов X Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Т. 1. М. 1986.